

А. А. Смирнова

Ленинград и ленинградцы в «Блокадном дневнике» О. Ф. Берггольц

Опубликованный недавно блокадный дневник Ольги Берггольц позволяет проследить, как создавались ее главные блокадные произведения – «Разговор с соседкой», «Февральский дневник», «Ленинградская поэма», в которых так ярко раскрывается подвиг Ленинграда и его жителей. Дневник содержит богатый материал о роли Ленинградского радио в осажденном городе, об условиях, в которых готовились радиопередачи в первую блокадную зиму. Автор статьи приходит к выводу, что именно самоотверженная работа на радио в самый трудный период блокады принесла Ольге Берггольц широкую известность и признание жителей осажденного Ленинграда.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, голод, смертность, Ленинградский радиокomitee, О. Ф. Берггольц

Alla A. Smirnova

Leningrad and Leningraders in the blockade diary of Olga Berggolz

Recently published the blockade diary of Olga Berggolz afford opportunity to trace, how created her main blockade works – «The talk with neighbour», «Leningrad poem», «February journal», which so vivid reveal deed of Leningrad and its residents. The diary keep the essential material about the role of Leningrad radio in the siege town, also about conditions in which prepared radioprograms during the first blockade winter. The author concludes that in particular self-sacrificing work in the radiocommittee in the most difficult period of blockade brought to Olga Berggolz the popularity and the recognition residents of the siege Leningrad.

Keywords: Great Patriotic War, blockade of Leningrad, hunger, death rate, Leningrad radiocommittee, Olga F. Berggolz

Я никогда героем не была,
не жаждала ни славы, ни награды.
Дыша одним дыханьем с Ленинградом,
я не геройствовала, а жила.

Ольга Берггольц. Февральский дневник

В литературе, посвященной жизни и творчеству О. Ф. Берггольц в период Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда, преобладает мнение, что с самого начала войны ее поэтический голос стал голосом сражающегося Ленинграда. С изданием в 2015 г. полного текста дневников О. Ф. Берггольц периода Великой Отечественной войны¹, которые ранее публиковались лишь фрагментарно², появилась возможность проследить, как проходило в действительности ее становление как «первого поэта блокадного Ленинграда»³. Это правда, что стремление О. Ф. Берггольц «жить одним дыханием с Ленинградом» проявилось в первые же дни войны с фашистской Германией, когда она пришла в Ленинградское отделение Союза советских писателей и была направлена им в распоряжение литературно-драматической редакции Ленинградского радиокomitee⁴. 22 августа 1941 г. Ольга Берггольц впервые выступает по Ленинградскому радио из почти уже заблокированного города, обращаясь ко всей

стране: «Я говорю: нас, граждан Ленинграда, не поколеблет грохот канонад...». Переживая за судьбы осажденного города («неужели же мы погибнем?»), она записывает в своем дневнике 13 сентября 1941 г.: «Ну, я работаю зверски, я пишу „духотподъемные“ стихи и статьи – и ведь от души, от души, вот что удивительно!»⁵.

Однако с приходом голодной зимы, принесшей защитникам осажденного Ленинграда столько лишений и страданий, в жизни и творчестве Ольги Берггольц наступает критический период. «Я должна быть здесь, голодать так же как все, писать и поддерживать их дух, – говорит мне один голос, очень сильный и властный», – убеждала она себя в своем дневнике 1 декабря 1941 г. И здесь же она пыталась с этим не согласиться: «Мои писания, мои стихи, даже те, которые заставили плакать командиров одной армии, где недавно читала их, – даже не десятистепенной важности дело для Ленинграда. Они не заменят ему ни хлеба, ни снарядов, ни орудий – а решает только это. Если ленинградцы

не будут слышать моих стихов, ничто не переменится в их судьбе»⁶. Свои переживания, перепады настроений Ольга Берггольц доверяет только своему дневнику. 7 декабря 1941 г. она записала: «Я – держусь. „Разговор с соседкой“, написанный пятого во время бомбежки, – не хуже „Машеньки“, которая так нравится всем. Конечно, дает себя знать некая истерзанность материала, спешка, – но все же это лучше из того, что появляется в Ленинграде из стихов. Это я могу сказать смело»⁷. В предчувствии возможной эвакуации Ольга Берггольц отмечает в дневнике за 8 декабря 1941 г.: «Видимо, завтра, меня запишут, пусть мой голос последний раз прозвучит на прекрасных его (Ленинграда. – А. С.), вымирающих, заснеженных улицах. Это все, что я могу сделать для него, зная, что это ему не нужно...»⁸. Очень скоро выяснится, что она ошиблась, что ее судьба нерасторжима с судьбой Ленинграда. Убеждаясь в невозможности выбраться из осажденного города, Ольга Берггольц записала в дневнике 20 декабря 1941 г.: «Значит – надо держаться, работать... Да, надо жить, пока таскаю ноги. Надо жить. Ведь хорошо и то, с 5 XII немец нас не бомбит, а только обстреливает...»⁹.

Именно в эти страшные декабрьские дни зимы 1941/42 когда, по выражению самой Ольги Берггольц, «смерть от истощения, голодная смерть приняла массовый характер в Ленинграде»¹⁰, она получает от руководства Ленинградского радиокomiteта задание подготовить специальную передачу, которая прозвучала бы по радио в канун Нового 1942-го года, для всех ленинградцев. «Ну, вот, написала вчера спецпередачу: „Рождественское письмо“, – отметила она в дневнике 21 декабря 1941 г. – Утром перепечатывала, сидя в нежилом своем жилье, при 4° мороза, без воды, окутав ноги тулупом, напялив грязные перчатки»¹¹.

Ольга Берггольц стала главным действующим лицом состоявшегося 29 декабря 1941 г. по Ленинградскому радио задушевного разговора с ленинградцами. «Дорогие товарищи! – обращалась она ко всем жителям осажденного Ленинграда. – Послезавтра мы будем встречать Новый год. Год тысяча девятьсот сорок второй. Еще никогда не было в Ленинграде такой новогодней ночи, как нынешняя. Мне незачем рассказывать вам, какая она. Каждый ленинградец знает об этом сам, каждый чувствует сейчас, вот в эту минуту, ее небывалое дыхание... И все-таки, вопреки всему, да будет в суровых наших жилищах праздник. Ведь мы встречаем тысяча девятьсот сорок второй в своем Ленинграде – наша армия и мы с ней не отдали его немцу, не дали ему вторгнуться в город. Мы остановили врага. Наш город в кольце, но не в плену, не в

рабстве. Это уже безмерно много...»¹². Затем она прочитала «Письма на Каму» своим родителям, и ее слушали, затаив дыхание, ленинградцы, для которых радио в это суровое время было единственной связью с внешним миром. И потому только они могли в полной мере оценить завершающие строки из второго «Письма на Каму»:

Это гимн ленинградцам – опухшим, упрямым,
родным.
Я отправлю от имени их за кольцо телеграмму:
«Живы. Выдержим. Победим!»¹³.

Это выступление Ольги Берггольц сохранилось в памяти многих благодарных ей блокадников. «Письма, которые получила я зимой 1941/42 года на свои передачи, в частности на передачу под Новый, 1942 год, – писала она, – останутся для меня на всю жизнь самой высокой наградой»¹⁴.

В своем «Блокадном дневнике» Ольга Берггольц будет еще не раз возвращаться к памятной для блокадников радиопередаче в канун Нового, 1942 года. «С колоссальным успехом прошло мое выступление с „Письмами на Каму“, – записала она в своем дневнике 8 января 1942 г. – Даже в горько-партии взволновались и попросили меня прислать им списки этих стихов, мол, лучшее за все время войны и т. д. А если бы дали прочитать „Дарью Власьевну“!»¹⁵. Написанный 5 декабря 1941 г. «Разговор с соседкой» бюрократы от власти испугались пропустить тогда в эфир, хотя в нем шел разговор не только о том, как «тяжелы страдания народа», но и о том, что победа над ненавистным врагом обязательно настанет:

Дарья Власьевна – еще немного,
день придет, – над нашей головой
пролетит последняя тревога
и последний прозвучит отбой»¹⁶.

В ноябре 1942 г. руководство Ленинградского радиокomiteта согласилось выпустить в эфир Ольгу Берггольц с ее «Дарьей Власьевой» в одной из передач, которая начиналась с сообщения о наших первых успехах в битве за Сталинград. Однако в последний момент это выступление было отменено. Как заметит в дневнике в связи с этим трусливым поведением своих руководителей Ольга Берггольц, видимо, их все еще пугали содержащиеся в «Разговоре с соседкой» строчки о «бедном ленинградском ломтике хлеба», который «почти не весит на руке»¹⁷. 24 ноября 1942 г. она с горечью писала в дневнике по этому поводу: «И, что там ни говорить о радостном сообщении, мне было досадно, что

скомкали передачу, ведь сообщение потом шло шесть раз, а как бы здорово прозвучала перед ним „Дарья Власьева“. Ну, ладно, м[ожет] б[ыть] еще прочту»¹⁸. И ее Дарья Власьева победит, в конце концов, всех бюрократов, как и вера самой Ольги Георгиевны в то, что ее соседке «поставят памятник на площади большой»¹⁹.

В январе-феврале 1942 г., в самые «смертные» месяцы голодной блокады, Ольга Берггольц написала самое значительное произведение, по ее выражению, «нечто вроде лирической поэмы – „Февральский дневник“»²⁰. 22 февраля 1942 г. она отметила в своем дневнике: «Пожалуй, это лучшее, что я написала за время войны...»²¹. Друзья и коллеги Ольги Берггольц по Радиокomiteту были в восторге от ее нового произведения, «и буквально все настоящие люди тоже, кто читал поэму, плакали и трепетали, и говорили, что это то, что они хотели бы написать и сказать о себе и Ленинграде»²². Разумеется, что «Февральский дневник» был сразу же доставлен в Смольный партийным кураторам, которые первоначально высказались за то, чтобы его срочно издать отдельной брошюрой. Однако в конечном итоге поэма вернулась в Радиокomiteт с резолюцией, в которой, в частности, отмечалось, что «стихи (Берггольц. – А. С.) настолько хороши, что над ними надо еще посидеть (!? – А. С.)»²³. Берггольц ограничилась косметическими изменениями, председатель Радиокomiteта В. А. Ходоренко повез поэму в слегка обновленном виде на суд самому секретарю горкома партии по пропаганде Н. Д. Шумилову. 22 февраля 1942 г. за 15 минут до начала очередного, 195-го выпуска «Радиохроники», в котором Ольга Берггольц должна была выступать со своей поэмой, из Смольного в Радиокomiteт с требованием – «снять с передачи» так понравившуюся поначалу в Смольном поэму Ольги Берггольц «Февральский дневник». Скорее всего, партийные бюрократы не могли простить автору излишнюю смелость говорить от имени ленинградцев:

Двойною жизнью мы сейчас живем:
в кольце, во мраке, в голоде, в печали,
мы дышим завтрашним,
свободным, щедрым днем,
мы этот день уже завоевали²⁴.

В послевоенных воспоминаниях Н. Д. Шумилов предпочтет «забыть» о своих методах руководства Ленинградским радио и отделается общими фразами о его сотрудниках, которые понимали, как важны для ленинградцев слова поддержки и одобрения, продолжали в сложных условиях блокадной зимы готовить и выпускать в эфир радиопередачи; многие из

них не дожили до победы. Вот что секретарь по пропаганде вспомнил про автора «Февральского дневника»: «Особо следует сказать о работе поэтессы Ольги Берггольц. На радио она пришла в первые дни войны и трудилась там до победных дней. Сильные и искренние ее выступления, проникновенные стихи звали на бой с жестоким и ненавистным врагом»²⁵.

«Проникновенные стихи» Ольги Берггольц оказались неподвластны запрету кураторов из Смольного. 5 июля 1942 г. в «Комсомольской правде» был напечатан «Февральский дневник» полностью, без единой поправки и купюры. «Ну, что же, хоть и задним числом обнародовано, но все-таки это здорово, – писала с удовлетворением 9 июля 1942 г. Ольга Берггольц. – А стихи, надо прямо сказать, отличные. Читала их в газете сама с волнением и со слезами...»²⁶. Появление «Февральского дневника» в центральной прессе способствовало росту популярности Ольги Берггольц, признанию ее авторитета как крупного писателя, с которым нельзя не считаться и в самом заблокированном Ленинграде. 21 июля 1942 г. она после многократных бесед в кабинетах Смольного смогла прочитать по радио только что законченную «Ленинградскую поэму». 24 и 25 июля 1942 г. новое произведение Ольги Берггольц было напечатано в «Ленинградской правде». 4 августа 1942 г. в своем дневнике Ольга Берггольц торжествовала свою победу: «Успех поэмы превзошел все мои ожидания. Нет смысла записывать все перипетии борьбы за нее, походы к Маханову, разговоры с Шумиловым и т. д. И вот – огромное количество восторженных, взволнованных и, несомненно, искренних отзывов, от Всеволода Вишневского (который даже письмо мне прислал) – до техсекретаря Союза писателей. И много писем, большинство с фронта и с флота, от людей неизвестных... Что же это – слава? Да, похоже, что слава, во всяком случае – народное признание. Меня знают в Ленинграде почти всюду...»²⁷.

Свидетельством «народного признания» Ольги Берггольц стало и ее более независимое положение в Ленинградском радиокomiteте. Она сама стала «пробовать» в Смольном разрешения на выход в эфир своих текстов. Именно ей доверялись многие важные выступления по Ленинградскому радио. Неудивительно, и на этот раз, что Ольге Берггольц была поручена подготовка новогодней радиопередачи. 29 декабря 1942 г. она отметила в своем дневнике: «Написала выступление, – хорошее, утвердила все у Маханова, в 20–05 должна была читать, – сейчас 18–40 – и вдруг ВТ (воздушная тревога. – А. С.). Как дернет она два часа – вот и полетело мое выступление. А передача явно тронет сердца

ленинградцев...»²⁸. Но новогоднее выступление Ольги Берггольц все же «полетело» в тот вечер в эфир, и, по ее словам, «резонанс на передачу огромный»²⁹. Эта передача и в самом деле не могла не тронуть сердца ленинградцев, к которым так доверительно обращалась Ольга Берггольц в своем выступлении, названном ею «Наша победа». Не скрывая, что «наш быт, конечно, очень суров и беден, полон походных лишений и тягот», что «враг все так же близок, мы по-прежнему в кольце, какие разительные перемены произошли в осажденном Ленинграде в 1942 году». Главная мысль, которую проводила Ольга Берггольц в своем выступлении, состояла в том, что «за год изнурительной блокады наш город и все мы вместе с ним не ослабли духом, не изверились, а стали сильнее и увереннее в себе... Мы победили их, победили морально, мы, осажденные ими!»³⁰.

А еще через несколько дней в январе 1943 г. пришла весть о прорыве блокады Ленинграда, которая, по выражению Ольги Берггольц, «обдала совершенно небывалой острой и горькой в то же время радостью»³¹. Пытаясь сохранить это ощущение «небывалой радости», она неоднократно возвращалась к нему в своем дневнике. «Господи, какая она была чудесная ночь – с 18 на 19 января, – писала Ольга Берггольц. – Даже понимание того, что этот прорыв пока очень мало, что меняет в нашем быту, что это даже не „прорыв блокады“, а расширение подковы, – не умаляю радости, – трепетной, обессиливающей и почти больной, почти не поддающейся выражению»³². Конечно, она выступала той памятной ночью по радио перед ленинградцами. Подготовленный Ольгой Берггольц текст выступления, в который она включила выдержки из «Февральского дневника», цензура, к ее удивлению, «пропустила» без всяких возражений³³. Таков был момент всеобщей радости и небывалого единения, который она зафиксировала в своем дневнике: «Я пошла в студию, сердце от волнения, что я думала, что не дочитаю – умру. Оно стучало почти в подбородок, я минутами как проваливалась – и тогда я задыхалась, т. к. почти теряла сознание...»³⁴.

Каждый, кто ознакомится с «Блокадным дневником» Ольги Берггольц, несомненно оценит его значимость как исторического источника блокадной поры, в котором так ярко отразилось единство ленинградцев в защите своего города. Об этом заявила Ольга Берггольц в своем гимне Ленинграду и ленинградцам, написанным ею в мае 1942 г. после ее возвращения из кратковременной поездки в Москву:

Нам от тебя теперь не оторваться.
Одною небывалою борьбой,
Одной неповторимой судьбой
Мы все отмечены. Мы – ленинградцы³⁵.

Примечания

¹ Берггольц О. Ф. Блокадный дневник, 1941–1945. СПб.: Вита Нова, 2015. 541 с.

² См.: Ее же. Дневные звезды; Говорит Ленинград. М.: Правда, 1990. 480 с.; Ее же. Ольга. Запретный дневник: дневники, письма, проза, избр. стихотворения и поэмы Ольги Берггольц. СПб.: Азбука-классика, 2010. 539 с.; и др.

³ Абрамов Ф. А. Ольга Берггольц: [некролог] // Собр. соч.: в 6 т. СПб.: Худож. лит., 1993. Т. 5. С. 331.

⁴ См.: Берггольц О. Ф. Ольга. Запретный дневник. С. 14–15; Кетлинская В. Испытание // Вспоминая Ольгу Берггольц. Л., 1979. С. 118.

⁵ Ее же. Блокадный дневник. С. 28.

⁶ Там же. С. 64.

⁷ Там же. С. 92.

⁸ Там же. С. 95.

⁹ Там же. С. 103.

¹⁰ Там же. С. 102.

¹¹ Там же. С. 104.

¹² Берггольц О. Ф. Ольга. Запретный дневник. С. 287.

¹³ Там же. С. 463.

¹⁴ Берггольц О. Ф. Дневные звезды; Говорит Ленинград. С. 197.

¹⁵ Ее же. Блокадный дневник. С. 146.

¹⁶ Ее же. Ольга. Запретный дневник. С. 460.

¹⁷ Ее же. Блокадный дневник. С. 313.

¹⁸ Там же. С. 313.

¹⁹ Берггольц О. Ф. Ольга. Запретный дневник. С. 461.

²⁰ Ее же. Блокадный дневник. С. 162.

²¹ Там же. С. 163.

²² Там же. С. 163.

²³ Там же.

²⁴ Берггольц О. Ф. Ольга. Запретный дневник. С. 472.

²⁵ Шумилов Н. Д. В дни блокады. М., 1974. С. 200.

²⁶ Берггольц О. Ф. Блокадный дневник. С. 244.

²⁷ Там же. С. 251–253.

²⁸ Там же. С. 326.

²⁹ Там же.

³⁰ Берггольц О. Ф. Дневные звезды; Говорит Ленинград. С. 229, 234.

³¹ Ее же. Ольга. Запретный дневник. С. 227.

³² Ее же. Блокадный дневник. С. 331.

³³ Там же. С. 333.

³⁴ Там же.

³⁵ Берггольц О. Ф. Собрание сочинений: в 3 т. Л.: Худож. лит., 1973. Т. 2: Стихотворения; Говорит Ленинград; Верность. С. 175.